

Маленькій фелетонъ.

В О Р Ъ.

(Съ натуры).

Мальчонка, лѣтъ семи, давно уже вертѣлся у лотка торговца разной мелочью — гребенками, щеточками, мыломъ, порт-монэ. Торговецъ былъ занятъ продажей кошелька какимъ-то двумъ парнямъ, съ озабоченными лицами, рассматривавшимъ вещь. Они недовѣрчиво слушая убѣдительныя рѣчи торговца, — поочередно то ковыряли пальцами замокъ кошелька, то поднося его къ носу, — рассматривали на свѣтъ, потомъ клали его на лотокъ и твердо говорили:

— Сорокъ копеекъ!

Они какъ-то копировали другъ-друга — одинъ до подробностей повторялъ движенія другого и всѣ его ужимки. Торговецъ съ негодованіемъ говорилъ имъ:

— Сорокъ? Э эхъ вы! Да онъ мнѣ самому стоитъ шесть гривенъ! Ну погоди, — удерживалъ онъ ихъ, — пятьдесятъ пять — желаете?

— Сорокъ копеекъ! — монотонно повторяли покупатели. И снова начинался торгъ.

Но какъ не занятъ былъ торговецъ — высокій, рыжій человекъ, съ плутоватыми глазами и съ цѣпкими пальцами въ густой шерсти на суставахъ, онъ однимъ глазомъ упорно слѣдилъ за всѣми движеніями мальчика. Около лотка, слѣдя за торгомъ стояла и другая парочка еще человекъ три, — и мальчикъ вертѣсь межъ ними — тоже слѣдилъ за продавцомъ. Онъ былъ босой, въ грязной и рваной рубашкѣ, безъ пояса, въ штанахъ, которые когда-то были плисовыми, а теперь казались сшитыми изъ мѣшка, на его рябомъ, загорѣломъ и чумазомъ лицѣ — сверкали изъ-подъ лобья сѣрые, бойкіе глазенки, и блескъ ихъ былъ жадень...

— Ну инъ сорокъ пять! — рѣшительно махнувъ рукой, сказалъ одинъ изъ покупателей.

— Сорокъ пять! — какъ эхо повторилъ его товарищъ, и оба они съ ожиданіемъ въ глазахъ уставились на продавца. Тотъ криво усмѣхнулся и жалобно заговорилъ:

— Ребята, али мнѣ въ убытокъ торговать? Чай я тоже ѣмъ, пью, жену, дѣтей имѣю, — долженъ я копейку нажать, али нѣтъ?

— Какъ хошь! — сказали покупатели и двинулись прочь отъ лотка. За ними пошли и зрители. Воспользовавшись этимъ движеніемъ, мальчишка согнулся, нырнулъ между двумя парнями, моментально вытянулъ впередъ руку, схватилъ съ лотка кусокъ мыла и... опрокинулся назадъ, на землю.

— Ага, сынокъ! — торжествуя сказалъ торговецъ, держа его за ногу и таща по землѣ къ себѣ. Онъ схватилъ его снизу изъ-подъ лотка и теперь мальчишка, извиваясь какъ ужъ, упирался въ мостовую руками и болталъ свободной ногой съ испуганнымъ

краснымъ лицомъ, вѣхаль на животъ подъ лотокъ. Вотъ рыжій мужикъ поймалъ и другую его ногу, дернувъ мальчика къ себѣ,—при чемъ тотъ ударился подбородкомъ о камень мостовой—и, наконецъ,—мальчикъ очутился лицомъ къ лицу съ нимъ. Стоя между его колѣнъ, крѣпко сжатый ими и цѣпкими пальцами рыжаго мужика, лежавшими у него на плечахъ, мальчикъ сосалъ разбитую губу и сплевывая въ сторону кровь и слюну, покорно ждалъ, опустивъ руки по длинѣ туловища и положивъ ихъ ладони на колѣно торговца.

Тотъ, съ удовольствіемъ въ большихъ темныхъ глазахъ, съ оскаленными улыбкой зубами, сверкавшими изъ густой рыжей бороды, осматривалъ мальчишку и молчалъ, очевидно придумывая наказаніе для вора.

У вора же неровно вздымалась маленькая грудь и вздрагивали плечи... А на рябомъ лицѣ его были отражены испугъ и тоска, и ожиданіе...

— Н—ну...—началъ торговецъ, хмуря брови и стискивая зубы,—и что же я теперь съ тобой сдѣлаю, а?

Мальчикъ повелъ плечомъ.

— Въ острогъ мнѣ тебя запрягать или рвачку дать? Выбирай... что тебѣ по вкусу...

— Прости дяденька,—тоскливо сказалъ воръ.

— Про-ости-ить? Скажи на милость? Ишь ты! Какъ же такъ, сынокъ, я тебя могу простить? Ты, воръ, укралъ у меня товару. Значитъ слѣдуетъ тебя упечь въ тюрьму. А ежели я тебя, одного вора прощу, другой—другого простить,—кто тогда въ тюрьмѣ сидѣть будетъ, скажи, а?

— Дяденька, я больше не бу-уду...—со слезами на глазахъ и съ дрожащими губами въ полголоса, убѣдительно вытянулъ мальчишка.

— Это мнѣ випочемъ!—Нѣтъ, ты скажи—кто будетъ въ острогѣ темномъ сидѣть, ежели воровъ прощать?

Мальчикъ беззвучно заплакалъ и слезы, стекая по его щекамъ, оставляли на нихъ полосы...

— Говори чертенышъ—кто?—зло сверкнувъ глазами крикнулъ торговецъ и дернулъ вора за ухо...

— Ра-а...збойн...ики...—сдерживая рыданія тихо сказалъ мальчикъ.

Это должно быть понравилось торговцу—онъ засмѣялся довольно и громко.

— Ахъ жуликъ! Ловко отрѣзалъ! Разбойники... шустрый ты мальченка—быть тебѣ арестантомъ. Ну, говори, ты зачѣмъ мыло стянулъ...

— Дяденька! Вотъ те Христось—не буду я больше! Никогда ужъ не буду!—звонко крикнулъ мальчикъ.

— Шш! Не орать! Можетъ я тебя еще и прощу, а будешь ты орать, придетъ свистунъ съ селедкой—тогда, братъ, шабашъ твое дѣло. Возьметъ онъ тебя и засадитъ въ острогъ, въ яму пхнетъ, а тамъ крысы, лягушки, змѣи, и кажинный день тябя будутъ изъ ямы вынимать и—пороть!

Плечи мальчика судорожно задрожали, а въ широко раскрытыхъ глазахъ отразился ужасъ. Воръ рванулся изъ колѣнъ торговца, но тотъ крѣпко тиснулъ его плечи своими цѣпкими пальцами и далъ ему щелчокъ въ лобъ.

— Вотъ на-ко отвѣдай! Ишь-ты—бѣжать захотѣлъ... Ну говори—куда тебѣ мыло?

— Про - одалъ - бы...—покорно отвѣтилъ мальчикъ.

— Такъ... Продалъ-бы... Ну а денъги куда-бы ты дѣвалъ?

— Купилъ-бы... фунтъ вѣсового... хлѣба...

— Н-ну.

— Баварскаго... квасу... полбутылки...

— Ишь ты! усмѣхнулся торговецъ. А еще?

— Больше ничего нельзя ужь... — вздохнул мальчикъ. Только восемь копеекъ даютъ за мыло.

— Ага! такъ ты не въ первый разъ его воруетъ? Н-да! Какъ же мнѣ тебя простить, ежели ты такой злодѣй?

Воръ поникъ головой и замолчалъ.

— А развѣ хлѣба дома у тебя нѣтъ?..

Воръ вздохнулъ и покачалъ головой, размазавъ рукой слезы по лицу.

— Развѣ отецъ-мать хлѣбомъ тебя не кормятъ?

— Нѣту отца...

— А гдѣ онъ?

— Не знаю...

— А мать?

— Пьетъ она все...

— Та-акъ! — Протянулъ торговецъ. Ему уже становилось скучно возиться съ этимъ воромъ. Онъ даже зѣвнулъ.

— Дяденька! Пусти меня... — Тихо сказалъ мальчикъ и вертя головой поцѣловалъ сначала одну, потомъ другую шершавую руку рыжаго торговца. Тому понравились эти поцѣлуи. Онъ улыбнулся себѣ въ бороду. Онъ бы и еще помучилъ мальченку ради своего развлечения, но это было уже скучно. Къ тому же издали на лотокъ съ его товаромъ поглядывали двѣ бабы съ маленькой дѣвочкой. Торговецъ вздохнулъ.

— Пожалуй иди...

Воръ рванулся и лицо его вспыхнуло радостью...

— Ку-уда! Нѣтъ погоди, напередъ я тебѣ надеру уши... И методически, равномерными движеніями руки рыжій человекъ сталъ болтать головой мальчика изъ стороны въ сторону. Надравъ одно ухо—онъ принялся за другое. На лицѣ его не отражалось ни удовольствія отъ этой операціи—ничего, оно было равнодушно и—только потомъ онъ далъ мальчишкѣ шлепка по за тылку и сказалъ ему:

— Ну иди! Да помни меня.

Тотъ, съ краснымъ лицомъ, держась руками за горѣвшія уши отошелъ на нѣсколко шаговъ въ сторону и вдругъ повернулся назадъ... Торговецъ удивился.

— Али мало? спросилъ онъ поднимая брови.

— Дяденька...—тихо заговорилъ мальчикъ умоляюще глядя въ его красное лицо...— Дай мнѣ копейку!

— Подъ сюда...—сказалъ торговецъ, хмуря брови.

— Никита Егорычъ!—крикнулъ онъ кому-то черезъ улицу, держа мальчика за плечо. Тотъ посмотрѣлъ по направленію голоса и вздрогнулъ. Черезъ улицу переходилъ суровый полицейскій, придерживая рукой пашку... Мальчикъ вскинулъ глаза на лицо торговца. Оно было тоже сурово. Тогда онъ заплакалъ, сжавшись и вздрагивая. Голова у него какъ-то уходила въ плечи.

— Кумъ! Будь другомъ, отправь ты мнѣ его въ часть!—тыкая пальцемъ въ голову вора, сказалъ торговецъ.

— Что слямзилъ?—просто спросилъ полицейскій, взявъ вора за руку.

— Мыла кусокъ... Травленный мальчишка.

— Знакомы мы, кивнулъ головой полицейскій.—Пойдемъ Мишка, или, какъ бишь тебя тамъ?

— Митька,—покорно сказалъ воръ.

— Митька... Айда!.. Тутъ мы съ тобой пѣше дойдемъ—близко.

Они пошли. Не посѣвая за полицейскимъ, мальчикъ подпрыгивалъ по камнямъ. А торговецъ глядя имъ въ слѣдъ зѣвалъ и крестилъ себѣ ротъ.